

От переводчика

В научной литературе комплекс монастырей, возникших по инициативе Григола Хандзтели (Григория Хандзтийского) в Южной Грузии, называют Грузинским Синаем и Грузинской Фиваидой. Эти наименования представляются достаточно близкими к делу, если учесть размах монастырского строительства и дух основателей и насельников этих обителей, общим наставником и отцом которых был Григол Хандзтели.

Но последующая история детища Григория Хандзтийского и его учеников наводит и на другое сравнение. Кларджетские пустыни и связанные с ними монастыри можно было бы назвать еще и Грузинской Атлантидой. Менее века спустя по кончине Григола Хандзтели составитель его жития замечал: "Однако ныне чудеса их по множеству времени преданы глубине забвения, всепамятных тех удивительных блаженных людей дела добрые и житие непорочное, тех, которые сияли, как денницы небесного мира под видимым этим и преходящим солнцем".

И это написано в то время, когда, по свидетельству автора, живы были еще "ученики и ученики учеников" Григола Хандзтели и его ближайших сподвижников. В дальнейшем слова жизнеописателя основателя Хандзты и Шатберди оказались не только констатацией факта, но и своего рода пророчеством. Потому что спустя некоторое время "глубина забвения", от которой он спас жития и имена целого ряда подвижников VIII-IX веков, вновь и на многие века поглотила их.

Этому, конечно, прежде всего способствовала исполненная катастроф историческая судьба страны. В "Житии царя царей Давида"¹ есть характерные и знаменательные в данном контексте слова современника событий о том, что турки, в 80-х годах XI века опустошившие Грузию, среди прочих разрушений "сожгли ... и пустыни Кларджетские". Можно с уверенностью сказать, что такая участь постигала эти монастыри не раз. А начиная с XVII века вся эта область Южной Грузии стала частью Османской империи, а затем Турецкой республики, территорией, из которой было изгнано все христианское население, а храмы были превращены в мечети или подвергались постепенному разрушению.

В XVIII-XIX веках, по свидетельству специалистов, даже знатоки не ведали, кем являлся внесенный в церковные святцы Григол Хандзтели. Так, например, автор "Грузинской Церковной истории" Платон Иоселиани писал в 1853 году: "Не ведаю поистине, кто был этот святой и когда жил. До наших времен не дошло Житие того, которого празднует Грузинская Церковь 5 октября. Лишь только нашел под этим именем в армянских историях Григора Ханзохати, который жил в 1411 году".

Лишь несколько представителей этой Атлантиды сумели избежать забвения и на протяжении веков сохранялись в исторической памяти своего народа и своей Церкви. Но не в связи с погрузившейся в небытие Грузинской Фиваидой, а, так сказать, по другой линии. Этими лицами были святой благоверный царь и мученик Ашот куропалат (+ 862),² автор антиеретических сочинений святитель Арсени Великий, католикос Грузии (+ 887)³ и его духовный брат и сверстник святой

¹ "Символ", N 40, с. 276.

² Память 29 янв./11 февр.

³ Память 25 сент./ 8 окт.

митрополит Ацкурский Ефрем Великий, чудотворец.⁴

Только в 1911 году, когда Николай (Нико) Марр опубликовал в Санкт-Петербурге с русским переводом и исследованием обнаруженную им осенью 1902 года в иерусалимском Крестовом монастыре единственную по сей день рукопись "Жития Григола Хандзтели", этот удивительный мир древней святости, в котором так много своеобразных и столь же много общих для всей христианской аскетики черт, вновь занял свое место в истории грузинской духовности, государственности и культуры.

Открытие Нико Марра примечательно в трех аспектах. Во-первых, оно вернуло Грузии и всем любителям ее культуры одну из вершин национальной литературы. Во-вторых, явило еще одно, возможно, самое яркое и насыщенное фактами, именами и характеристиками свидетельство богатой монашеской культуры Грузии. И наконец, явило исток и основы того духовного, политического, национального и культурного подъема, который характеризовал жизнь Грузии в VIII-XII веках. Грузия, которая существует в нынешнее время и которая, пусть и с немалыми и трагическими потерями и падениями, выдержала в XIII-XX веках 800-летнюю борьбу за сохранение своей уникальной религиозной, национальной и культурной идентичности, - в значительной степени создана гением и подвигом одного человека, - святого царя Давида Строителя, который чудесным образом суммировал четырехвековые труды и усилия своих предшественников во всех областях национальной жизни.⁵

И житие Григола Хандзтели, как при раскопках какого-нибудь исторического здания, открывает нам фундамент, на котором основывалось это четырехвековое созидание - союз молитвенного подвига отречшихся от мира монахов и глубокого благочестия мирян и, особенно, князей мира сего, правителей грузинских земель, современников и духовных чад Григола Хандзтели.

В тексте Жития есть множество примеров благочестия людей того времени, одним из проявлений которого было отношение к Григорию Хадзтийскому, как к божественному наставнику, и смирение перед его святостью. Но, может быть, самым трогательным из них является просьба государя Гургена куропалата похоронить его в ногах крестного отца его Григола.

*

По своему происхождению (из родовитой семьи), по рано проявившемуся и до глубочайшей старости (Григол прожил 102 года) сохранившемуся стремлению к исполненной трудов и лишений жизни на лоне природы, по чрезвычайно множеству замечательных учеников, величайшему авторитету, излучение которого достигало всех краев родной земли и перед которым одинаково склоняли головы и царь, и простой крестьянин, Григол Хандзтели являет нам грузинскую разновидность того типа христианского подвижника, который в разных странах и в разные эпохи был представлен Антонием Египетским, Бернаром Клервосским,⁶ Сергием Радонежским.

⁴ Память 17/30 апр.

⁵ Его портрет в исторических документах и свидетельствах см. ж. "Символ", NN 40-41.

Опираясь только на свой авторитет всеобщего духовного отца и возвышаясь над всякими разделениями, он олицетворял собою будущее единство грузинской нации, которое для многих его соотечественников и сотни лет спустя оставалось труднодостижимым идеалом. Он имел дар создавать атмосферу, в которой разделенная нация, еще никогда не жившая в едином государстве, виделась одной семьей, и эта семья изъясляла покорность высшей силе, пребывавшей в святом Григоле.

Неслучайно, должно быть, именно в житии Григола Хандзтели мы впервые встречаемся с распространением названия одного из грузинских краев Картли на всю Грузию - первое притязание на единство грузинского народа. Гиорги Мерчулэ, автор Жития, дает такую формулировку: ("... полагают, что Картли - большая страна, в которой на грузинском языке служится литургия и совершается всякая молитва, "кириелейсон" же по-гречески говорится, что есть по-грузински: "Господи, смилуйся" либо же: "Господи, помилуй").

Находка и публикация Марра вновь вернула Грузии память об одном из замечательных ее сыновей. Правосудный Господь, попуская множество бед за грехи жителей этой страны, никогда не забывал в то же время одарять ее Своими милостями. Но из множества даров Божьих грузинскому народу все-таки самый чудесный - нескончаемая череда великих людей разного звания и призвания, протянувшаяся через века грузинской истории. Дела и слава иных не умещались в родных пределах: Петр, знаменитый епископ Маиумский, один из предполагаемых авторов Ареопагитского корпуса; Евфимий Иверский, духовный глава Афона, создатель прославленной греческой версии "Варлаама и Иоасафа"; великие самодержцы Давид и Тамара; Шота Руставели - творец "Витязя в тигровой шкуре"; великомученица Кетеван и царь-воин Ираклий II. Другие известны только на своей родине, но дела и заслуги их от этого не меньше. Григол Хандзтели несомненно принадлежит к первостепенным лицам грузинской истории. Недаром Господу угодно было дважды призвать: один раз замечательного писателя, а в другой - выдающегося ученого, чтобы спасти от забвения его имя и подвиг.

*

Как было отмечено выше, Н. Марр снабдил первое издание открытой им рукописи русским переводом. Однако он, по-видимому, больше стремился передать содержание этой древней повести, не считая нужным воспроизводить ее со всеми особенностями оригинала.

Мы взяли на себя смелость восполнить в этом отношении труд великого ученого и сделать новый перевод, который и предлагаем вниманию читателей. Мы старались, насколько это возможно, воспроизвести на русском языке произведение древнего грузинского писателя со всеми его литературными особенностями, с его ритмом, с его расстановкой слов в предложении, с его сменами тона, то

⁶ В биографии Бернара Клервосского и Григола Хандзтийского есть будто списанные один с другого эпизоды избрания в первом случае Римского папы, в другом, Мцхетского католикоса, благодаря авторитетному вмешательству указанных святых и знамению, явленному ими.

возвышенного, то будничного, со всем тем, что можно обозначить одним словом – стиль. Это представляется важным и для более точной передачи того, что на самом деле сказал автор в том или ином случае, и для того, чтобы сохранить истинный облик всего произведения. Потому что стиль, способ речи является важной составляющей этого произведения, он тоже несет в себе его энергию, дышит восторгом перед великими подвижниками, которые в нем описаны, горит небесным огнем, которым горели Григол Хандзтели и его друзья и который, как представлялось писателю, уже сильно ослабел в его времена. Это представляется важным еще и для того, чтобы подчеркнуть, что творение Георгия Мерчулэ является не только историческим и церковным документом, но, подобно “Мученичеству Шушаник” и “Мученичеству Або Тбилисского”, также и литературным шедевром, одним из лучших произведений, когда-либо написанных по-грузински, для достойной и полноценной передачи на другом языке требующим не пересказа, пусть и самого добросовестного, но как можно более верного оригиналу воспроизведения.

*

К той великой милости, о которой было сказано выше, к бесконечному ряду великих людей и духовных столпов, Господу угодно было время от времени присоединять еще одну - замечательных деесписателей, запечатлевавших образы и подвиги героев грузинской истории. Некоторые из них, под воздействием созерцаемого ими подвига, вышли за пределы описания, пусть даже и самого искусного, за пределы “истории и восхваления”, как обозначил свой труд один из грузинских летописцев. Иакоб Цуртавели, описавший страдания царицы Шушаник, и Иованэ Сабанидзе, рассказавший о мученичестве арабского юноши Або, как мы пытались показать в посвященных им статьях⁷, и сами совершили духовный и интеллектуальный подвиг. Описывая подвиги женщины и чужеземца, они, бросив вызов многовековой и повсеместной традиции, возвели их не только как героев веры, но именно как женщину и чужеземца. Они возвели деяния своих героев от одномерности подвига к объемности и многомерности религиозного, исторического и общественного явления. Использовали сочетание героизма и презираемой или ненавидимой стороны личности героя, как рычаг, которым они перевернули общественное сознание, утвердив среди своих соотечественников почетное место женщины и чужеземца как таковых. Кроме непосредственной и само собой разумеющейся задачи - рассказать историю определенного мученика, блестяще ими исполненную, они решили и сверхзадачу, или осознанно поставленную перед собой ими самими, или внушенную им свыше и возможно неосознаваемую ясно.

*

Перед Гиорги Мерчулэ, как представляется, кроме непосредственной задачи, той, которая обозначена в заглавии его произведения - описать “Труд и

⁷ См. ж «Хеловнеба» («Искусство»), 1989, N 1, сс. 68-79(на грузинск. яз.); ж.«Символ», N 44, сс. 273-296; N 45, сс. 231-271.

подвижничество...святого... отца нашего Григола,... и с ним... многих отцов блаженных”, - также стояла сверхзадача. Которую он и выполнил, наряду с непосредственной и заявленной в заглавии. И создал повесть не просто о подвижниках, спасающих свою душу в грешном и погибающем мире, но о созидателях и гражданах подлинно христианского общества, государства-Церкви, в котором все, от царя до простолюдина, живут или хотя бы стремятся жить по заповедям Господним, под руководством святых Божьих людей. Из этого общего настроения почти нет исключения, только иногда бес вожделения⁸, козни наветницы⁹, внезапно проснувшаяся скупость¹⁰ или необъясненное негодование на монахов¹¹ на время лишают отдельных людей этой гармонии, но рано или поздно, иногда пройдя через мучительное и даже пожизненное наказание, они возвращаются под отеческую власть преподобного Григола и его сподвижников. Из всех многочисленных лиц, представленных в повести, кажется, один только нечестивый Цкир, как некое исчадие ада, как сын погибели¹², оказывается окончательно отринутым от этого святого и богоспасаемого сообщества¹³.

Даже животные - олень, дикие козы ищут и находят прибежище себе под сенью этого спасительного града, под покровом Божьих людей¹⁴. Даже природа призвана к соучастию в монашеских подвигах, благоприятствуя им своими условиями. В тексте повести содержится восторженная похвала, маленькая поэма, которую произносит отец Григол, рассказывая абхазскому царю Димитрию “о лице Кларджетских пустынь”. Но и здесь, в одном из первых на грузинском языке описаний природы, восхищение перед ее красотой и мощью неотделимо от трезвой оценки пригодности для монашеских трудов этих мест, которые “Бог при самом начале творения для последних времен сотворил их для монахов жительствова и в прибежище всем христианам”¹⁵. Точно также какой-нибудь географический пункт может быть и отлучен от благодатного участия в монашеском делании по непригодности для устройства монастыря. Впрочем, и тут, как в отношении бедных грешников, проявляется снисхождение, чтобы ничто не осталось непричастным к спасительной христианской жизни¹⁶.

Поэтому неудивительно, что, когда автор дает приведенное выше определение своему отечеству, и оно оказывается чисто церковным, точнее, литургическим, в котором нет ничего «лишнего», не имеющего самого непосредственного отношения к делу спасения, к божественной жизни и к литургии, как высшей ее форме на земле. Картли-Грузия - это страна, где совершается литургия и всякая молитва. Отличие ее от других христианских стран, так сказать, местное своеобразие, только в том, что эта молитва совершается здесь на грузинском языке. Это не преамбула конституции, но вся конституция Грузии-Картли по Георгию Мерчулэ. В этом Мерчулэ является продолжателем традиции и

⁸ См. LV.

⁹ См. LVI-LVIII.

¹⁰ См. XLVII.

¹¹ См. LXXXV.

¹² Ин 17, 12.

¹³ См. LXVIII - LXX.

¹⁴ См. LIX, LX.

¹⁵ См. XXII.

¹⁶ См. XX-XXI. Ср. с мрачным описанием у Иакоба Цуртавели места мученического подвига св. Шушаник.

наследником духа Иованэ Сабанисдзе, автора первого в Грузии патриотического произведения, который, однако, из всех богатств своей щедро одаренной родины считал достойным упоминания и заботы только ее христианское призвание и пятисотлетнюю к тому времени христианскую традицию ее народа, и рассматривал всю страну, как поместную Церковь, именуя Картли “Матерью святых,...здешних...жителей...и...пришельцев”.¹⁷

Богоспасаемое общество в повести в основном представлено Грузией, но не ограничивается ею. В национальной формуле Георгия Мерчулэ есть маленькое, опять же литургическое, добавление, что “кириелейсон”, т.е. “Господи, помилуй”, не переводится на грузинский, но говорится по-гречески. Эти последние слова как будто запечатывают всю формулу печатью принадлежности к христианской вселенной. У Григола Хандзтийского и его сподвижников есть два главных источника познания и вразумления - это небеса и это христианская экумена: Константинополь, описываемый восторженными словами, как “Христово сосудохранилище, второй Иерусалим”, “все замечательные Греции святые места”, Святая Земля и Иерусалим первый с монастырем святого Саввы и Гробом Господним. Поэтому Григол и предпринимает путешествие в Константинополь, как в некое средоточие высшего ведения, чтобы на основании увиденного там “чин Божественный церковный в церкви моей установить, мудрецами неосуждаемый”, а кроме того “умоляет” некоего паломника в Святую землю записать и переслать ему устав монастыря святого Саввы Освященного¹⁸. Об этом свидетельствует и сообщение автора, что Григол с отрочества “многим языкам был научен” и это давало ему возможность полнее, “с радостью” приобщаться к богатствам христианской экумены, новым и древним, доставшимся ей от языческих времен¹⁹.

*

Град спасительный, по Георгию Мерчулэ, включает в себя все сословия и даже зверей, но есть два главных столпа, два основания этого града - это духовное сословие, в основном, монашество, и сословие высшее - государи и представители знати. Они созидают этот град, благами которого пользуются все остальные. Устами преподобного отца Григория Хандзтийского изрекает автор жития формулу взаимоотношений двух этих важнейших участников общественной жизни. Монахи являются устроителями небесной стороны земного бытия, которая лучше всего представлена в монастыре и монашеская жизнь. “Промысел Божий имеет обыкновение...монастыри руками нищих (нищих духом, монахов - NN) строить, которые совершенно свободны сделаются от соблазнов мира”. Знать и, в первую

¹⁷ «Символ», N 44, Париж, 2001, с. 304.

¹⁸ См. XII.

¹⁹ См. II, XII.

очередь, государи должны быть помощниками в этом деле и исполнителями материальной стороны это созидания, а также устроителями всей общественной жизни. “Дал Бог власть верным царям строить престолы епископств и города с селами, и над всем народом сделал князьями, чтобы в правде судили их, украшенные облачением светлым”.

Идеал симфонии власти духовной и светской выражен в обращении преподобных отцов во главе с Григолом Хандзтели к трем братьям-соправителям Баграту, Адарнерсэ и Гвараму Багратиони: “Благоверные цари... ведайте, что духовно ополчившиеся войска ваши - эти святые пустынные отцы суть плотски учиненных войск ваших твердыни и снаряжение всех верных царей в ополчениях полков ваших, а... при высоте царствия имеете вы хриstopодобное смирение и попечение о святых церквах, и утешение для нищих, и для всего народа праведный суд”²⁰.

*

Это идеальное общество отчасти, даже можно утверждать, в значительной части, было списано Георгием Мерчулэ с действительности.

Из этого удивительного мира дошла до нас смиренная просьба государя Гургена куропалата: “Близ крестного отца моего (Григола Хандзтели) мощей положите меня у ног его, и других тех отцов мощи надо мной упокойте”²¹. Из этого же мира доносится и плач-молитва старца Григория об убиенном государе Ашоте куропалате: „О, царь мой, сильный и славный, крепость Церквей и оплот христиан, откуда мне было ждаться тебя, с востока ли или с запада, с севера ли или с юга? Ибо всеми родами ты обладал, который ополчением подчинял государей, *диво это славное, благоверный государь*. Ныне как же впал ты в руки презренные нечестивых и негодных людей, которые подобно Иуде твоими, господина своего, *сделались убийцами, для умерщвления нас, убогих молитвенников твоих вовеки*”²². Этому миру и его обитателям посвящены гимны и хваления, которыми, как райские обители, наполнена повесть Мерчулэ, и с которыми обращаются друг к другу подвижники и цари, вельможи и святители, монахи и монахини, духовные и плотские родители и чада. Лишь иногда раздаются строгие окрики и прещения, которые не могут, однако, надолго нарушить восторженную атмосферу этого преддверия рая, какой видится Георгию Мерчулэ описываемая им действительность.

Но Мерчулэ не только списывает с жизни, но и конструирует этот идеал, исключая из общей картины обстоятельства, которые могли бы непоправимо омрачить ее. Достаточно вспомнить, как буквально стонет Иованэ Сабанисдзе, автор мученичества старшего современника Григола и воспитанника, скорее всего,

²⁰ См. XXVII.

²¹ См. XXVIII.

²² См. XIII. Выделено нами.

того же самого князя Нерсэ - Або, жалуясь на двойной - политический и религиозный - гнет арабского владычества: „С тех пор и даже доселе порождения христианские развратили: некоторых насилем, некоторых обманом, некоторых в отрочестве неведением, некоторых хитростью. А другие, которые-то пребываем верными, под насилем поработанные и лишениями и нищетой связанные, как железом, под данью их биемые и мучимые, весьма дорого искупаемые, от страха истаевают и колеблются, как тростник от ветров сильных, но Христовою любовью и страхом, по обычаю отцова течения, терпением бед не удаляются от Единородного Сына Божия“²³. Но этим скорбям нет места в мире Мерчулэ. Примечательно, как по-разному представлено у этих двух авторов, по-видимому, одно и то же историческое лицо - картлийский князь Нерсэ. Жизнь этого удивительного и до сих пор нецененного должным образом человека, воспитавшего двух ярчайших представителей Грузиской Церкви - святого мученика Або и преподобного Григория Хандзтийского, по Иованэ Сабанисдзе, жизнь правителя зависимой страны, исполненная опасностей и приключений, - изгнания, пребывания под стражей в Багдаде, бегства в Хазарию, вражды и примирения с арабами. А по Георгию Мерчулэ - это размеренное и бестревожное житие суверена, занятого в основном духовными делами.

Правда, Григол и его ученики жили и спасались в Западной и Южной Грузии, на которые не распространялась власть арабов, но иноземный гнет являет себя и здесь в лице мусульманского владыки Тбилиси эмира Сахака и его влияния даже на церковную жизнь свободной Южной Грузии. Так же и другие реалии грешного мира с его борьбой за политическую и религиозную власть и разнообразными страстями тут и там дают о себе знать. Но ни убиение Ашота куропалата, ни козни Ццира, ни интриги Миреана и возмущение Гварама Великого - не могут поколебать в глазах Гиорги Мерчулэ устойчивости этого миропорядка, все конфликты благополучно разрешаются и завершаются в рамках повести.

По-видимому Мерчулэ удалось зафиксировать по-своему действительно идеальный и гармоничный этап в жизни грузинского общества. Одним из оснований, на котором держалась вся эта чудесная конструкция общественной жизни были высочайший авторитет преподобного Григола и подвижников его круга, возможно также, относительная слабость властителей раздробленной страны. Поэтому и могли преподобные отцы и матери, с одной стороны, выражать преклонение перед царской властью и ее носителями, а с другой, давать им же суровую отповедь, как преподобный Григол Гвараму мамфалу²⁴, а мать Феброния самому Ашоту Великому²⁵. В творении Мерчулэ даже можно выделить целое „последование“, „секвенцию“ о том, как духовные смиряют власть имущих, сильных мира сего²⁶.

И то и другое - и великая святость кларджетских отцов, и послушливость мирских владык являлись изменчивыми обстоятельствами. Сам Мерчулэ свидетельствует с сожалением, что „ныне от чинов их духовных малое

²³ См. ж. «Символ», N 44, с. 300.

²⁴ См. XLII.

²⁵ См. LV.

²⁶ См. XLII, XLVII, LV, LVI, LXVIII- LXX.

нечто удерживаем, как из моря каплю одну воды“.²⁷ Спустя полтора века при созыве Руисско-Урбнисского собора представители клира, даже причисленные позднее к лику святых и прославленные ученостью, играли все-таки подчиненную роль при инициаторе собора царе Давиде Строителе, а еще через примерно сто лет в идеальном аравийском государстве, описанном Шота Руставели, их вообще не видно среди ареопага, окружающего царя Ростевана. А ведь земное царство гармонии, каким предстает аравийское общество в поэме Руставели, уходит по крайней мере некоторыми своими корнями в эпоху кларджетских отцов и их летописца Георгия Мерчулэ. Но блеск царского венца затмил сияние «денниц небесного мира». И хотя духовная власть в Грузии, даже в столетний период полной потери в XIX в. политической и церковной самостоятельности, никогда, милостью Божией, не была принижена до положения ведомства при власти мирской, все-таки никогда уже не повторились и времена, описанные Георгием Мерчулэ.

Но и отблески той гармонии, сияние того удивительного мира не исчезали полностью из общественной жизни Грузии и сознания ее жителей. Подобно тому, как Иакоб Цуртавели и Иованэ Сабанисдзе утвердили преклонение перед женщиной и чужеземцем как грани национального сознания и бытия, так и Гиорги Мерчулэ, частью увидев наяву, частью прозрев идеальную конструкцию общественной жизни и запечатлев ее в своей великой книге, также внедрил ее в мировидение своего народа. Георгий Чкондидели, наставник Давида Строителя; католикос Иоанн, нападавший на любимца царицы Тамары и великого полководца Захарию Мхаргрдзели за приверженность к неправой, „армянской“ вере; современник той же царицы преподобный Макари Месхи, „обличитель царей“, титул которого говорит сам за себя; католикос Николай, гневавшийся на царя Димитрия, будущего страстотерпца, за тяжкое нарушение заповеди о браке, и в знак протеста даже удалившийся на покой; монах Басили, приходивший с Афона, чтобы грозно предупредить того же царя о грядущем гневе Божьем; священномученик католикос Эвдемос, противостоявший царю-мусульманину Ростому; наконец, чтобы не продолжать бесконечно этот список, церковные и общественные деятели второй половины XIX века, смело выступавшие за восстановление автокефалии и патриаршества в Грузинской Церкви в условиях Российской империи, в том числе, будущие патриархи священномученик Кирион, Леонид и исповедник Амвросий - всех их можно считать наследниками духа Григория Хандзтийского и его учеников и носителями идей Георгия Мерчулэ. Одним из виднейших грузинских автокефалистов был и сам инвентор и издатель творения Мерчулэ Николай Марр. Он и признал сразу в авторе обнаруженной им древней повести соратника в борьбе за восстановление самостоятельности Грузинской Церкви, а в самой повести

²⁷ См. XVII.

блестящее и актуальное свидетельство и подтверждение древней традиции не только грузинской автокефалии, но и внутренней свободы представителей грузинского христианства, их убежденности в превосходстве Царствия Небесного над царством земным.

*

Одна особенность повести Мерчулэ еще более усиливает впечатление гармонии, царящей в описанном им обществе. Это то место, которое в нем занимают женщины, то почтительное, часто, восторженное, отношение к женщине, как к существу духовному, которое делом и словом показывают жители этого града. В произведении Мерчулэ есть и женщины, которые выступают в традиционной роли «сосуда зла». С ними даже связаны два выразительных эпизода жития²⁸. Но и эти «разлучницы», каждая в свое время, отказываются от пути греха и присоединяются к сонму взыскующих вечного спасения. Можно найти у Мерчулэ и напоминание о необходимости аскетической строгости и осторожности во взаимоотношениях с женщинами²⁹, впрочем, как и с юношами³⁰. Но в целом, жители этого земного града Божия, представляются в известной мере преодолевшими одну из самых драматичных коллизий земного бытия, одно из главных искушений среди многочисленных соблазнов мира сего.

Эта особенность мировоззрения Мерчулэ не является изолированной на грузинской почве. Она, по-видимому, восходит к личности и деятельности просветительницы Грузии, св. Нино, тому месту, которое она заняла в поместной Церкви. Но первое явление этой новой стороны грузинской ментальности находим в первом дошедшем до нас произведении грузинской словестности - «Мученичестве царицы Шушаник» пресвитера Иакоба Цуртавели. Эта маленькая повесть - настоящее поле битвы не только между язычеством и христианством, но и между старым и новым отношением к женщине. Более полутора тысяч лет она хранит свидетельства этой борьбы - презрительные высказывания и жесты, поношение и разнузданное насилие, и торжествующие над всем этим духовную красоту и величие героини, увенчанные Богом и прославленные людьми.³¹

У Мерчулэ уже нет и следов этой борьбы.

Женщина у Мерчулэ, какое бы положение она ни занимала, - матери, жены, монахини, в первую очередь является сестрой во Христе, работницей и соработницей на ниве спасения, деятельной созидательницей града Божия.

Женщины занимают видное место в описанном Георгием Мерчулэ обществе и в биографии самого главного героя повести, не только по количеству, но и по своей роли и по тому значению, которое им придают окружающие. Мать преподобного Григола и его тетка, супруга князя Нерсэ являются первыми воспитателями и наставниками будущего подвижника, отнюдь не только в житейском смысле, что

²⁸ См. LV, LVI- LVIII.

²⁹ См. XXXVII, XXXVIII.

³⁰ См. XXIII.

³¹ Подробнее см. ж. «Символ», N 45, сс. 231-287.

подразумевается, но даже не упоминается, но в смысле именно духовном. Не говоря уже о том, что мать Григола завершает свой земной путь в монастыре, в кругу сподвижников своего сына. Почин материальной поддержки деятельности о. Григола и его собратий со стороны власть имущих берет на себя благочестивая Мариам, супруга Габриэла Дапанчули.³² В повести много еще подобных им женщин - монахинь и мирских, царственных, вельможных и простых, которые являются полноправными, деятельными и уважаемыми членами христианского сообщества и пребывают на разных ступенях совершенства вплоть до святости и дара чудотворения.

Из всех гимнов, которые по разному поводу возносятся в повести, одним из самых восторженных, самых возвышенных является гимн во славу жен-подвижниц, посвященный Григолом Хандзтийским сестрам монастыря Мерэ.³³ Быть может, не так-то легко будет отыскать другие подобные страницы в анналах Вселенской Церкви.

Образы женского благочестия в житии преподобного Григория находят свое увенчание в лице настоятельницы монастыря Мерэ матери Фебронии. Она показана, как светоч, перед которым в почтении склоняются остальные подвижники и даже общий отец Григорий Хандзтийский, и сам жизнеописатель. Мерчулэ как-будто не хватает слов, чтобы выразить величие этой женщины.

„А достоблаженная и чудесами украшенная мать Феброния прибыла из Самцхе и поселилась в Мерэ. И достойному житию и духовному промыслению ее не было предела. И божественной любовью святой единомышленны и дружны были весьма блаженные эти Божии люди - мать Феброния и отец Григол“, - так торжественно обставлено первое появление этой подвижницы на страницах повести³⁴.

Автору вторит его главный герой. „Ныне совершилось твое спасение, чадо, ибо к блаженной матери Фебронии отвожу тебя!“ - патетически обращается преподобный Григорий к одному из упомянутых выше „сосудов зла“.³⁵ В описании Мерчулэ Феброния видится, как исключительная личность, столь мудрая, что „таков был и обычай того времени отцов настоятелей, ибо без совета от матери Фебронии ни за какое дело не брались“³⁶, столь авторитетная, что может даже предписывать общему отцу, преподобному Григорию: „Однако ныне время прощения, сотвори милость для обреченной той женщины, как приличествует святости твоей“,³⁷ столь возвышенная, что единственная из всех героев повести, включая и самого отца Григола, удостоивается прямого общения с ангелами.³⁸ А в эпизоде низложения епископа Цкира мать Феброния сама предстает, как ангел Церкви, явившийся, чтобы сотворить суд над

³² См. IX.

³³ См. LVIII.

³⁴ См. XI.

³⁵ См. LV.

³⁶ Там же.

³⁷ См. LVII.

³⁸ Там же.

нечестивцем.

„И чудотворица блаженная мать Феброния пришла на собор тот святой, уподобившийся древним тем Святым, и все священники, причетники Анчийские, с ними, и перед епископами теми высказали Цкирову правду, нечестие его, верные те чудотворные мужи недолжную причину безобразий его лицом к лицу. Тогда верные те архипастыри отлучили его от почести его. И отец Григол и мать Феброния облаченного из алтаря свели и перед алтарем раздели и все совместно извергли его из католической Церкви”.³⁹

*

Несколько лет назад решением Синода Грузинской Церкви к лику святых были причислены многие герои повести Мерчулэ и сам автор, как насельник тех же монастырей и чадо чад отца Григола. Теперь 5 октября (18-го по новому стилю), вместе с памятью преподобного Григория Хандзтийского совершается поминовение его сподвижников - преподобных отцов и матерей Кларджетских пустынь:⁴⁰ католикосов - Нерсэ, первостроителя Ишхани,⁴¹ и блаженного Илариона,⁴² архипастырей - Захарии,⁴³ Макария⁴⁴ и Езры Анчийских;⁴⁵ Саввы Ишханского,⁴⁶ Стефана Тбетского;⁴⁷ преподобного отца Иоанна, в Багдаде сарацинами убиенного;⁴⁸ преподобных отцов - Феодора, строителя Недзви;⁴⁹ Христофора, строителя Квирикети;⁵⁰ Амоны,⁵¹ Петра,⁵² Самуила,⁵³ Андрея,⁵⁴ аввы Георгия Опизских;⁵⁵ Шио чудотворца;⁵⁶ Георгия,⁵⁷ Михаила,⁵⁸ Павла,⁵⁹ Василия⁶⁰ Зарзмских; Хведия,⁶¹

³⁹ См. LXIX.

⁴⁰ Календарь Грузинской Церкви. 2007. Тбилиси, Изд-во Грузинской Патриархии, 2006, с. 92.

⁴¹ См. XXVI.

⁴² См. XXVII.

⁴³ См. XXVII, XXVIII, LXIV - LXVII.

⁴⁴ См. LXXXIII.

⁴⁵ См. LXX.

⁴⁶ См. V, XII-XV, XXVI, XXX, LXXXIII.

⁴⁷ См. XLIX.

⁴⁸ См. LXXXII

⁴⁹ См. V, XIX - XXIII, XXX, LXXXIII.

⁵⁰ См. V, XIX - XXIII, XXX, LXXXIII.

⁵¹ См. Басил Зарзмели. Житие и гражданство богоносного блаженного отца нашего Серапиона, III. Чвени саундже, I, Тб., Накадули, 1960, с. 98. На грузинск. яз. (Русск. пер.: К. С. Кекелидзе. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тб., 1956, сс. 76-101). Возможно, о нем же пишет и Мерчулэ, см. XXVIII.

⁵² См. Басил Зарзмели, III.

⁵³ См. V. См. также: Басил Зарзмели, III.

⁵⁴ См. V. См. также: Басил Зарзмели, III.

⁵⁵ См. V, VI

⁵⁶ См. Басил Зарзмели, III.

⁵⁷ См. Басил Зарзмели, XVI - XVIII.

⁵⁸ См. Басил Зарзмели, XVIII.

⁵⁹ См. Басил Зарзмели, XVIII.

⁶⁰ См. Басил Зарзмели, XVIII.

⁶¹ См. VI, VIII.

Елифания,⁶² Матоя,⁶³ Зинона,⁶⁴ Арсения,⁶⁵ Иоанна,⁶⁶ Василия,⁶⁷ Димитрия,⁶⁸ Арсения,⁶⁹ Макария,⁷⁰ Феодора,⁷¹ Гавриила,⁷² Георгия Мерчулэ⁷³ Хандзтийских; Михаила Парехского⁷⁴ и учеников его Василия⁷⁵ и Маркелая;⁷⁶ Давида⁷⁷ и Иакова⁷⁸ Мидзнадзоройских; Григория⁷⁹ и Софрона Шатбердских,⁸⁰ Захарию, строителя Баретелты;⁸¹ Илариона Парехского;⁸² Илариона, настоятеля Убэ,⁸³ преподобных матерей Фебронии,⁸⁴ Фемистии,⁸⁵ Анастасии,⁸⁶ Анатолии (Антонии) затворницы.⁸⁷

И хотя в этом списке нет некоторых избранных персонажей книги Мерчулэ: князя Нерсэ и его супруги, в лоне своей семьи взрастивших двух великих святых; матери преподобного Григория, подвижницы, достойной своего великого сына, которая на страницах повести уподоблена праведной Анне пророчице, дочери Фануила; тезки преподобного, который по просьбе его приходил обличать впавшего в грех Ашота куропалата и которого Мерчулэ именует святым, великим старцем и чудотворцем, почитаемым Богом и людьми⁸⁸; «достоблаженного отца» Макария Опизского⁸⁹; «человека Божия» Моисея (Мосэ)⁹⁰ - все-таки прославление в лике святых можно воспринимать, как счастливое завершение многовековой одиссеи кларджетских подвижников и миссии их жизнеописателя Георгия Мерчулэ по спасению из глубины забвения имен, непорочного жития, добрых дел и чудес всепамятных тех удивительных блаженных людей, которые сияли, как денницы небесного мира под видимым этим и преходящим солнцем.

⁶² См. XII, XLIV - XLVIII, LXXII, LXXIII, LXXXV.

⁶³ См. XII, XXXVII - XL.

⁶⁴ См. XII, LXXII, LXXV, LXXVI.

⁶⁵ См. XXVIII.

⁶⁶ См. XXVIII, LXXXIII.

⁶⁷ См. XXIX, LXI, LXXXVI.

⁶⁸ См. XL, XLI

⁶⁹ См. LXII.

⁷⁰ См. LXII.

⁷¹ См. LXXXIII.

⁷² См. LXXXVI.

⁷³ См. LXXXIII.

⁷⁴ См. XXXI, XXXII; также: Басил Зарзмели, III.

⁷⁵ См. XXXII; также: Басил Зарзмели, III.

⁷⁶ См. Басил Зарзмели, III.

⁷⁷ См. XXVII.

⁷⁸ См. XLIX.

⁷⁹ См. LXXXIII.

⁸⁰ См. XLIX.

⁸¹ См. XXVII.

⁸² См. XLIX.

⁸³ См. XXI.

⁸⁴ См. XI, XII, XXIX, XXXVII, XL, XLI, LV - LVIII, LXIX.

⁸⁵ См. XXXVII, XXXIX.

⁸⁶ См. LVI.

⁸⁷ См. XXXIX.

⁸⁸ См. LV. Его, возможно, перепутали с тезоименитым Григолом Хандзтели.

⁸⁹ См. LXXXV, LXXXVI.

⁹⁰ См. LXII.

Теперь к изучению научному, которое началось с первого издания повести, ее перевода на русский язык, комментариев, которыми снабдил это издание Николай Марр, добавилось литургическое поминовение ее героев, обогатившее Церковь новыми именами святых и свидетельствами их высокой жизни. Кажется, этим и должно ограничиться восприятие, рецепция этой книги в наше время. Что еще можно сделать с древней повестью о делах и событиях дней давно минувших, имевших место в обстоятельствах и условиях, которые с тех пор изменились неузнаваемо? Но уже первый публикатор жития Н. Марр, как отмечалось, указал на ее актуальность, не только не утраченную, не выветрившуюся по множеству времени, но и ставшую еще более насущной в новых условиях. Примеры из истории грузинского народа и Церкви, приведенные выше, в которых отразились дух и идеи Георгия Мерчулэ и его героев, также указывают на то, что они никогда не теряли полностью своей силы, причем в такой стране, которая за века своего существования претерпела все мыслимые перемены судьбы и, по слову Псалмопевца, проходила сквозь огонь и воду, восходила до небес и нисходила до бездны.⁹¹

Прот. Иосиф Зетеишвили.

⁹¹ Псс 65, 12; 106, 26.